

Москва
Советский писатель
1986

ББК 84-Р7
М 60

Редактор Г.М. Белова
Художник Алла Мухина
Тираж 9000 экз. Цена 45 коп.

Миллер Л.

М 60 Земля и дом – стихи. М.: Сов. Писатель, 1987

В стихах Ларисы Миллер - мудрое приятие всех сторон земного бытия., преклонение перед красотой жизни. Голос поэта негромок, но внятен, интонации естественны и незаемны. Пожалуй, самое точное определение её лирики - - сосредоточенность мысли и чувств.

4702010200 – 196

М

211-86

ББК 84.Р7

083(02) - 86

Содержание

Все в мире есть – и пыльный тракт, и стежки...
Еще и нет в черновиках...
Дом – это Иверский или Казачий...
Без обложки, без первых страниц...
Я встретила погибшего отца...
Уюта нет. Живи и помни...
И эта жизнь идет к концу...
Какие были виды...
В том царстве уснули на много веков...
Я не знаю пути до небесного рая
Наверно, не хитра наука...
Коль ты таких не знаешь школ...
Я себя едва ли знаю...
Старинный том, и стул хромой...
И я испытывала страх...
ЗАКЛИНАНИЕ
Неужто этим дням, широким и высоким...
Тлело. Вспыхивало. Гасло...
Все было до меня, и я не отвечаю...
Спасает историю от перегрузки...
Безымянные дни. Безымянные годы...
Земля да небо. Третий – лишний...
Да будет легким слог!..
И звучит средь вселенского хаоса...
Гори же, осень, пламеней...
Так память коротка...
И как писать на злобу дня...
Скуднее ночь, светлей зазор...
Осыпающийся сад...
Из дома выносили мебель...
Есть удивительная брешь...
А чем здесь платят за постой...
Я не прощаюсь с тобой, не прощаюсь...

О память – роскошь и мученье...
Прости меня, что тает лед...
Приходит Верочка – Верушка...
Вот условие задачи...
Летаем господи, летим...
Без гнева и ярости, взрыва и взлома...
И лист, покружившись, летит с паутины...
Ты сброшен в пропасть – ты рожден...
Не больно тебе, неужели не больно...
Лист движением нежным...
Все в воздухе висит...
Кукушкины слезки, кукушкины слезки...
А за последнюю строкой...
Ритенуто, ритенуто...
Преходящему – вечности крылья...
Чем все кончится? Чем? Листопадом?...
Неслыханный случай. Неслыханный случай...
Дождь осенний моросил...
Плохо дело, плохо дело...
Картина рисована примитивистом...
Это все твое. Бери...
Движеньем проворным по клавишам черным...
Шито белыми нитками наше житье...
На дерева дробится лес...
У тебя прошу прощенья...
Сыграй, прошу, сыграй...
Что мир без междометий...
Этих дней белоснежная кипа...
Когда любовь перегорала...
Иди сюда. Иди сюда...
Когда тону и падаю, не видя дня другого...
Тут ничем не помочь. Все не так и не то...
А я живу отсель досель
К юной деве Пан влеком...
И звал меня. И вел. Но вдруг он отнял руку...

Чьи-то руки взметнулись над синей водой...
И этот дар, и это зло...
Все спасемся как-нибудь...
Сурова партия трубы...
Должно быть, под угрозой пытки...
Забыть. Забыть. Забыть...
Вот он омут моей души...
Живи, младенческое вдруг...
Что невозможно повторить...
И снова стала погорельцем...
Между облаком и ямой...
А на экране, на экране...
Хорошего уйма, хорошего сплошь...
Что плакать ночи напролет?..
Поговорить начистоту...
Осенний ветер гонит лист и ствол качает...
Куда бежать? Как быть?..
Экспонат расклеился...
Я верю в чудо, верю в чудо...
– Ты куда? Не пойму, хоть убей...
Будто я Шехерезада...
Неясным замыслом томим...
Дни весенние горчат...
Любовь до гроба...
Люби без памяти о том...
А если праздник по душе...
Сплошная непогодь и хмарь...
Хоть кол на голове теши...
Еще немного все сместится...
Точно свет на маяке...
Нет погоды давно...
Себе клялась: еще приду...
Пустоте, черноте, уходящим годам...
И если этот путь продлится...
О боже, все звучит. Все требует огласки...

Легкой поступью, с легкой душой...
Все лето шел зеленый ливень...
Кругом зеленая завеса...
И троп извилистых тесьма...
Пережди, говорят, пережди этот ливень...
Снова жаркое лето. И солнце в зените...
Второе августа. Прекрасно...
Моя любовь, мое проклятье...
Прими на веру: свод небесный...
Все как будто не фатально...
Наверно, так и будет длиться...
Люблю начало речи плавной...
Пера прилежного касанье...
В ясный полдень и полночь, во сне, наяву...
И говорим о том о сем...
Старухи, черные: как птицы...
Легко сказать, легко сказать, сказать легко...
Такая началась метель...
Нельзя ни проснуться, ни в сон погрузиться...
О нимфе этот древний миф...
На лист бумаги, как следы на снег...
Мне земных деяний суть...
Все уходит. Лишь усталость...
Обмелели все истоки...
Зачем сводить концы с концами?..
Молчание – золото, золото, злато...
Привести бы все в систему...
Ах, куртуазный давний век!..
Рожденье тайное стихов...
А мне туда и не пробиться...
Пропахли дни сосной...
Мой белый день гори, гори...
Переплавить в строку, переплавить в строку...
Тот живет – обиду копит...
И плод, созревающий медленно, сладок...

Поляна, речка, бережок...
Это надо раздуть. Это надо раздуть...
И не осмыслить в словах...
Такие сны бывают редко...
Пью этот воздух натошак...
Не мы, а воздух между нами...
ОСЕНЬ
Рулады, трели и триоли...
Переполнена чаша терпения...
Пойдем же под птичий неистовый гам...
Цветы на окнах и в руках...
Близость фауны и флоры...
Все происходит наяву...
    I. Все происходит наяву...
    II. И вижу улицу родную...
Тихонько дни перетасую...
...А ведьма косточки...
Батуми. Дикий виноград...
Когда отчетливы приметы...
Торопиться – грех большой...
Тончайшим сделаны пером...
Я вхожу в это озеро, воды колыша...
Короче говоря...
Давай поедem по кольцу...
Прозрачных множество полос...
Желаю пуха и пера...
Мгновение. Еще мгновенье...
Вот жили-были ты да я...
Еще холстов, холстов и красок...
Нам выпало счастье, не так ли...

* * *

Все в мире есть – и пыльный тракт, и стежки.
И сад в цвету, и хижина в огне,
И отпечаток маленькой ладошки
В морозный день на ледяном окне,
Могильный крест и воробьиный крестик
На самом чистом утреннем снегу;
И чудо быть и днем, и ночью вместе
С тем, без кого едва ли жить смогу.

1971

* * *

Еще и нет в черновиках
Того, что будет жить в веках.
Но есть огонь, вода, и трубы,
И трубный глас, и окрик грубый,
Все, отчего горят дотла
Или парят, раскрыв крыла.

1975

* * *

Дом – это Иверский или Казачий.
Может, сегодня зовется иначе
Тот перевозданный кусочек земли.
Мельница вечная, перемели,
Перемели все, что временем мелется.
Имя и дата пускай переменятся...
Так непримяты сегодня снега,
Будто бы здесь не ступала нога.
Чистая скатерть для трапезы стелется.
Все перемелется, все перемелется.
Над головою белы облака,
Новая сыплется с неба мука.
Новая мука для нового хлеба
Сыплется, сыплется с белого неба.
Все перемелется, все истечет –
Вечность другие хлеба испечет.
Детства давнишнего нету в помине.
Крыша разобрана в той половине,
Где этажерка стояла в углу.
Вмятины две от рояля в полу.
Слышу его дребезжащие нотки,
Вижу следы допотопной проводки.
В дом прохуdivшийся валится снег,
Свой совершая замедленный бег.
Вижу себя: как в замедленной съемке,
Папку для нот тереблю за тесемки,
Ноты беру и готовлю урок,
Песню учу под названьем «Сурок».
В ней про сиротство, скитанье земное.
Где б ни скиталась, повсюду со мною
В память и душу запавший урок:
Преданный, тихий, печальный сурок.

1979

* * *

Без обложки, без первых страниц.
Прямо с зова: «Останься, Ядвига!»
Начинается старая книга,
Где десяток неведомых лиц
Существует неведомо где,
В неизвестно какую эпоху
И вольготно, и сладко, и плохо –
То есть так, как всегда и везде.
И не нужно начальных страниц.
Пусть же драма идет с середины.
Не бывает исходной години.
Не бывает предельных границ.
И в неведомой точке земной,
На постылых кремнистых широтах
Вечно маются, вечно кого-то
Заклинают: «Останься со мной».
«Не покинь меня» – зов и мольба.
«Не покинь, не покинь, ради бога».
... Без начала и без эпилога
Эта книга, дорога, судьба.

1978

* * *

Я встретила погибшего отца,
Но сон не досмотрела до конца.
Случайный шорох помешал свиданью,
Прервал на полуслове, и с гортанью
Творилось что-то... Тих и близорук,
Он мне внимал растерянно... И вдруг
Проснулась я, вцепившись в одеяло:
Отца нашла. Нашла и потеряла.

1981

* * *

Уюта нет. Живи и помни:
Раскалено в ночи, как в домне.
И в тишине вскипает кровь.
Себя к внезапному готовь:
К тому, что в мире, тьмой объятom,
Разбудят яростным набатом.

1981

* * *

И эта жизнь идет к концу:
Родная тетка по отцу
Давно больна и тихо тает
И письма старые листает,
С пожухлой пачки сняв тесьму.
И я склоняюсь с ней к письму
Отца, погибшего на фронте.
И не попросишь: «Вы не троньте
Моих последних стариков» –
У неприветливых веков.
И рушатся миры и узы.
Погибший у реки Вазузы
Отец погибнет вновь, когда
Умрет она, сквозь все года
Пронесшая тоску по брату...
И если посмотреть на дату,
В углу письма видны едва
Две стертых цифры: «Сорок два».

1984

* * *

Какие были виды
В садах Семирамиды!
Какие пирамиды
Умел воздвигнуть раб!
Какой владеем речью!
Но племя человечье
Всегда венчало сечей
Любой земной этап.
И то, что возвышалось,
Со страстью разрушалось,
С землею кровь мешалась.
Была бы благодать,
Когда б с таким усердьем
Учили милосердью,
С каким на этой тверди
Учили убивать,
Под кличи боевые
Вставать живым на выю,
Кромсать тела живые.
Зачем ранима плоть? –
Нелепая уступка
Вселенской мясорубке,
Которой и не хрупких
Под силу размолоть.

1975

* * *

В тот же миг все кругом умолкло.
Весь замок погрузился в мертвый сон.

Сказка

В том царстве уснули на много веков.
Уснули и спят, не боясь сквозняков,
Ни хлада, ни глада и ни суховея.
Там всех усыпила коварная фея,
Карая за некое давнее зло.
И сонное царство быльем поросло.
Быльем поросло и травую ползучей.
Однако какой замечательный случай.
В эпоху, когда кровожадны миры,
Вдруг выйти, уснув, из опасной игры.
И спит добродетель в обнимку с грехами,
И все города заросли лопухами.
Не надо кропить их живую водой,
Будить, искушая зарей молодой,
Зарей молодой и счастливою эрой,
Чтоб после замучить чумой и холерой.
Трава вырастает, буйна и дика.
Над ней проплывают и тают века.

1981

* * *

Я не знаю пути до небесного рая.
Три обычных ступеньки до рая земного,
Где огромные дни, постепенно сгорая,
Из-за дальних лесов занимаются снова;
Где, спустившись с крыльца прямо к яблоням
влажным,
Плод росистый вкушаешь во время восхода,
Где раздумья о вечном и жизненно важном
Не сулят непременно дурного исхода,
И простая потребность добраться до сути
Не ведет непременно к страданию и смуте.

1971

* * *

Наверно, не хитра наука
Для смертного придумать муку:
Так много точек болевых.
Но нынче о дурном – ни звука.
Мне жизнь протягивает руку
С букетом маков полевых.
И я уже забыть готова,
Как беды сыпались на Йова,
Чей нрав и кроток был, и тих,
Готова верить в прочность крова,
В прозрачность бытия земного,
В неуязвимость чад своих...
О человек, живой, живучий,
Как ни терзай его, ни мучай,
Пиная, взаперти гноя,
Едва разгонит ветер тучи
И луч мелькнет во тьме тягучей,
С надеждой шепчет: «ЖИЗНЬ МОЯ».

1975

* * *

Коль ты таких не знаешь школ
Безумных, где не ставят кол,
А, наказав, сажают на кол, –
Твоих познаний кот наплакал,
Штудируй имя и глагол.

Узнай, в какие времена
Какие чтили имена
И над какими надругались,
С чем те и эти сопрягались.
Невежество – всегда вина.

Замешан опыт на крови.
Возможность всякую лови
Узнать о нынешнем и прошлом.
Став умудренным, но не дошлым,
Душой нигде не покриви.

И на вопрос: «О ком, о чем?» –
Ответ: лишь мертвый ни при чем,
А кто живой – за все в ответе.
И долг его – любые нети
Упрямым высветить лучом.

1984

* * *

Я себя едва ли знаю,
А другого тщусь понять.
Из-под спуда вынимаю
Старый томик с буквой «ять».

Давний мир. Но снова едок
Очага бывшего дым.
Чем ты был, мой дальний предок,
И терзаем и томим?

Как ты прожил, предок бранный,
Свой земной недолгий срок?
Преподай мне откровенный
Всех превратностей урок.

Ты погонщик, скот ли вьючный?
Раб ли, жертва ли, палач?
И о чем твой смех беззвучный,
И о чем бесслезный плач?

1972

* * *

Старинный том, и стул хромой,
И оттоманка с бахромой.
На снимке дед в годах цветущих –
Ты поколений предыдущих
Всегда наследник по прямой.
Не узурпатор и не тать –
Ты должен собственником стать
Чудного пестрого наследства,
Письма заветного и средства,
Как все наследство промотать,
Спустить и вылететь в трубу,
Покуда предок спит в гробу,
Чтобы потом в случайном доме
Найти письмо в чужом альбоме
И плакать, закусив губу.

1984

* * *

И я испытывала страх,
Живя, как на семи ветрах,
Не находя себе опоры
Среди всеобщего разора.
И я искала утешенья
В ежесекундном мельтешеньи,
Средь шумных орд, на тропах торных,
В делах и планах иллюзорных.
Ни света не нашла, ни блага.
Нашла, что воля, и отвага,
И утешенье – в нас самих.
Безумен мир окрест иль тих –
Лишь в нас самих покой и сила.
Чума какая б ни косила,
Мы до известного предела
Сберечь способны дух и тело,
Распорядясь судьбой земной.
... А вдруг все вздор, и голос звонок
Лишь оттого, что ты со мной,
И не хворает наш ребенок?

1971

* * *

ЗАКЛИНАНИЕ

Земля бела. И купола
Белы над белыми снегами.
Что может приключиться с нами?
Чисты и мысли, и дела
В том мире, где досталось жить,
Который назван белым светом,
Где меж запорошенных веток
Струится солнечная нить;
Где с первых дней во все века
Дела свершаются бескровно,
И годы протекают ровно,
И длань судьбы всегда легка,
Как хлопья, что с небес летят
На землю, где под кровлей снежной
Мать держит на ладонях нежных
На свет рожденное дитя,
На белый свет, не знавший вех,
Подобных бойне и распятью,
Резне и смуте. Где зачатъе –
Единственный и светлый грех.

1975

* * *

Неужто этим дням, широким и высоким,
Нужны моих стихов беспомощные строки –
Миражные труды невидимых поденок?
Спасение мое – живая плоть, ребенок.
Дитя мое – моих сумятиц оправданье.
Осмыслено ночей и дней чередованье;
Прозрачны суть и цель деяния и шага
С тех пор, как жизнь моя – труды тебе на благо.
Благодарю тебя. Дозволил мне, мятежной,
Быть матерью твоей, докучливой и нежной.

1975

* * *

Тлело. Вспыхивало. Гасло.
Подливали снова масло.
Полыхало пламя вновь.
Полыхают в душах властно
Гнев, и вера, и любовь.
На просторах ветры дуют,
Тут погасят, там раздуют,
Дуют, пламя теребя.
И живут сердца, враждуя,
Негодуя и любя.
Боже правый, сколько пыла
Израсходовано было
И во благо, и во зло.
И давно зола остыла,
Ветром пепел унесло,
Время скрыло в домовину,
И о том уж нет помину.
Но не дремлют бог и бес.
Снова свет сошелся клином.
Снова пламя до небес.

1975

* * *

Людмиле Михайловне Алексеевой

Все было до меня, и я не отвечаю.
Законов не пишу. На царство не венчаю.
Придумала не я, придумали другие,
Что хороша петля на непокорной вые.

Придумала не я, и я не виновата,
Что вечно не сыта утроба каземата.
Но чудится: с меня должны спросить сурово
За убиенных всех. За всех лишенных крова.

1979

* * *

Спасает историю от перегрузки
Процесс неизбежный усушки-утруски:
От древних этрусков лишь несколько ваз
Вполне сохранились и радуют глаз.

И как это мало. И как это много.
Трудна и превратна сквозь время дорога,
Тропа, по которой несут и несут
С диковинной росписью хрупкий сосуд.

1984

* * *

Безымянные дни. Безымянные годы.
Безымянная твердь. Безымянные воды.
Бесконечно иду и холмом, и долиной
По единой земле, по земле неделимой,
Где ни дат, ни эпох, ни черты, ни границы,
Лишь дыханье на вдох и на выдох дробится.

1976

* * *

Земля да небо. Третий – лишний.
Ветра то громче, то неслышной
Ему метельною зимой
Гудели в ухо: «Прочь, домой».
А он в ответ: «Я дома. Вот он,
Мой дом. Моим полита потом
Земля», – твердил он, слаб и мал,
Как будто кто ему внимал.

1981

* * *

Да будет легким слог!
Да будет ветерок
Играть строкой и словом
О вечном и суровом!
Легко, легко, легко
О том, что далеко,
Легко о том, что близко.
Скажи: мгновенье риска,
Как искра на ветру,
И вспыхнут поутру
Костры по всем дорогам...
Скажи легчайшим слогом.

1981

* * *

И звучит среди вселенского хаоса
Венский вальс Иоганнеса Штрауса:
Два-три-раз, два-три-раз, два-три-раз,
И мороча, и радуя нас.

На планете сто раз искалеченной
И концлагерным номером меченной
Венский вальс – старомодное па...
Вера вечна, надежда слепа.

Мир прекрасен любовью и взлетами –
Уверяют валторны с фаготами.
Мир пленителен – вторит гобой.
Мой любимый, станцуем с тобой.

1983

* * *

Гори же, осень, пламеней,
Гори – не гасни много дней,
Гори, большим огнем пылая.
Да осветится жизнь былая,
Да будет жар неумолим,
Да будет дух неопалим,
Да обернется все земное
Неугасимой купиною,
И в миг любой, как в звездный час,
Да будет внятен вещей глас.
Да воспарим над злом и страхом.
Но если все же быть нам прахом,
Да озарится окоем
Нас пожирающим огнем.

1980

* * *

Так память коротка.
Так сладостно забвенье.
Жизнь кратче дуновенья,
Мгновеннее глотка.
Что было здесь до нас,
Мы знаем только вкратце.
Нам заросли акаций
Ласкают нынче глаз.
А тех, чья кровь лилась,
Кого сажали на кол,
Предшественник оплакал.
И с ним слабеет связь...
Наверно, в том и суть,
Затем и сроки кратки,
Чтоб не было оглядки
На слишком долгий путь.
Еще два-три витка –
И мы сойдем со сцены.
И пустят за бесценок
Наш опыт с молотка,
Чтоб жить своим умом
И, пережив кануны,
Опять глядеть на юных
В отчаянье немом.
А время бьет отбой
И топит очевидца.
И вновь дитя родится
Под сенью голубой.
И на земных кругах
Опять живет сносно.
Речная гладь и сосны
Всего в пяти шагах.

1976

* * *

И как писать на злобу дня,
Коль занесла судьба меня
Туда, где ни малейшей злобы –
Лишь милосердье высшей пробы,
Лишь милосердье и добро,
Лишь золото и серебро,
Густые утренние росы
И в желтых лютиках откосы...
В такие веси занесла,
Где я живу, не помня зла.

1984

* * *

Скуднее ночь, светлей зазор
Меж двух ночей; яснее зори,
И на заре сирень в дозоре
Стоит, роня белый сор
И сор сиреневый. И лень
Дотрагиваться до соцветий
Сирени влажной на рассвете,
Сквозную спугивая тень.

1981

* * *

Осыпающийся сад
И шмелиное гуденье.
Впереди, как сновиденье,
Дома белого фасад.
Сад, усадьба у пруда,
Звук рояля, шелест юбки...
Давней жизни абрис хрупкий,
Абрис зыбкий, как вода,
Лишь в душе запечатлен.
Я впитала с каплей млечной
Нежность к жизни быстротечной
Ускользящих времен...

1983

* * *

Из дома выносили мебель.
Качалось зеркало. И в небе
Зеркальном плыли облака.
Носили мебель, и рука
Невольно дрогнула. Качнулось
Земное бытие. Очнулась
Душа и тихо поплыла
Из тех пределов, где была.
И с нею вместе все поплыло.
И ни пристанища, ни тыла –
Лишь хрупких сонмище зеркал.
Но не свободы ли алкал?
Так слушай жизни голос ломкий.
Бесстрашно двигаясь по кромке
Надежды, радости, пути,
Не чая выжить и дойти.

1979

* * *

Есть удивительная брешь
В небытии, лазейка меж
Двумя ночами, тьмой и тьмой,
Пробоина, где снег зимой
И дождик осенью; пролом,
Куда влетел, шурша крылом,
Огромный аист как-то раз,
Неся замороженных нас.

1981

* * *

А чем здесь платят за постой,
За небосвода цвет густой,
За этот свет, за этот воздух
И за ночное небо в звездах?
Все даром, говорят в ответ,
Здесь даром все: и тьма, и свет.
А впрочем, говорят устало,
Что ни отдай, все будет мало.

1983

* * *

Маме

Я не прощаюсь с тобой, не прощаюсь,
Я то и дело к тебе возвращаюсь
Утром и вечером, днем, среди ночи,
Выбрав дорогу, какая короче.
Я говорю тебе что-то про внуков,
Глажу твою исхудавшую руку.
Ты говоришь, что ждала и скучала...
Наш разговор без конца и начала.

1983

* * *

О память – роскошь и мученье,
Мое исполни порученье:
Внезапный соверши набег
Туда, где прошлогодний снег
Еще идет; туда, где мама
Еще жива; где я упрямо
Не верю, что она умрет,
Где у ворот больничных лед
Еще лежит; где до капли,
До горя целых две недели.

1983

* * *

Маме

Прости меня, что тает лед.
Прости меня, что солнце льет
На землю вешний свет, что птица
Поет. Прости, что время длится,
Что Смех звучит, что вьется след
На той земле, где больше нет
Тебя. Что в середине мая
Все зацветет. Прости, родная.

1984

* * *

Приходит Верочка-Верушка,
Чудная мамина подружка.
Она несет большой букет.
(Сегодня маме тридцать лет.)
Несет большой букет сирени,
А он подобен белой пене,
Такая пышная сирень.
Я с пышным бантом набекрень
Бегу... Гори, гори, не гасни,
Тот миг... И розочку на масле
Пытаюсь сделать для гостей...
Из тех пределов нет вестей,
Из тех времен, где дед мой мудрый
Поет и сахарную пудру
Неспешно сыплет на пирог.
И сор цветочный на порог
Летит. И грудой белой пены
Сирень загородила стены.

1979

* * *

Вот условие задачи:
Лето жаркое на даче;
Мне неполных десять лет –
Ясным полднем я, и дед,
И бабуля на терраске.
Вот начало этой сказки.
Солнцем залито крыльцо.
Все родные – налицо.
А в итоге, а в ответе –
Лишь молчание да нети.
В нетях баба, в нетях дед.
Оглянулась – снова свет.
Снова свет июньский яркий...
Перепишем без пометки:
Что же было мне дано
И куда ушло оно?
И нельзя ли в утешенье,
Изменив судьбы решенье,
Получить иной ответ,
Кроме: «БЫЛО. БОЛЬШЕ НЕТ»

1981

* * *

Летаем, господи, летим.
Мелькают пестрые картинки:
Ребьячи быстрые ботинки,
Костер, тропинка, солнце, дым,

И дом, и сад, и маков цвет,
И тени, и лучи, и тени,
И чьи-то смуглые колени...
И нет конца, и смерти нет.

В краю лазури и росы,
В котором ни конца, ни тленья,
Порхают дети. И в варенье
Ребьячи щеки и носы.

1979

* * *

Без гнева и ярости, взрыва и взлома
Все лихо и быстро сгорит, как солома.
Покуда любили, покуда дремали
В душистой копне на большом сеновале,
Беспечное время по древней привычке
Роняло, теряло горящие спички.

1982

* * *

И лист, покружившись, летит с паутины.
И было рожденье, и были крестины –
У милого дитятки много имен:
Вот дерево тополь и дерево клен.
И сыплются, сыплются с тополя, с клена
Осенние листья со времени она,
И каждый по ветру летит, окрылен...
Как милых окликнуть, не зная имен,
Всех тех, начинающих падать и никнуть,
Их надо позвать, непременно окликнуть.
Их надо позвать – и расступится мгла...
Я снова пыталась – и вновь не смогла.

1982

* * *

Ты сброшен в пропасть – ты рожден.
Ты ни к чему не пригвожден.
Ты сброшен в пропасть, так лети.
Лети, цепляясь по пути
За край небесной синевы,
За горсть желтеющей травы,
За луч, что меркнет, помелькав,
За чей-то локоть и рукав.

1981

* * *

Не больно тебе, неужели не больно
При мысли о том, что судьба своевольна?
Не мука, скажи, неужели не мука,
Что непредсказуема жизни излука,
Что память бездонна, мгновение кратко?..
Не сладко, скажи, неужели не сладко
Стоять над текучей осенней рекою,
К прохладной коре прижимаясь щекою

1983

* * *

Лист движением нежным
Прикоснулся к плечу.
Ни о чем неизбежном
Я и знать не хочу,
Кроме тихой рутины
Быстротечного дня
С волоском паутины
На пути у меня.

1984

* * *

Все в воздухе висит.
Фундамент – небылица.
Крылами машет птица,
И дождик моросит.
Все в воздухе: окно,
И лестница, и крыша,
И говорят, и дышат,
И спят, когда темно,
И вновь встают с зарей.
И на заре, босая,
Кружу и зависаю
Меж небом и землей.

1977

* * *

Кукушкины слезки, кукушкины слезки.
В названьи – печальной судьбы отголоски.
Кукушкины слезки – названье травинки.
Кругом ни единой родимой кровинки.
Не знает кукушка, с кем связана кровно.
И капают слезы – виновна, виновна,
Виновна, виновна, что племени-роду,
Где больше детей своих любят свободу.

1983

* * *

А за последнею строкой –
Размах, раздолье и покой
Страницы. За последним шагом –
Просторы с речкой и оврагом.
И за прощальным взмахом рук –
Рассвет, и разноцветный луг,
И ливень. За предсмертным стоном
Весь мир, звучащий чистым тоном.

1979

* * *

Ритенуто, ритенуто, .
Дли блаженные минуты,
Не сбивайся, не спеши.
Слушай шорохи в тиши.
Дольче, дольче, нежно, нежно..
Ты увидишь, жизнь безбрежна
И такая сладость в ней...
Но плавней, плавней, плавней.

1980

* * *

Преходящему – вечности крылья,
Ветра вольного, света обилье,
Устремленья кочующих стай.
От подробностей душевных засилья
Улетай, улетай, улетай.

День текущий – забота о гнездах.
День текущий – страда, но и роздых
На совсем беспредельном пути.
Преходящему – вечности воздух.
Улетай, и лети, и лети.

Из текущего произрастая,
Поднимайся туда, где густая
Синь небесная и облака,
Косяком перелетная стая,
И века, и века, и века.

1984

* * *

Чем все кончится? Чем? Листопадом?
Шелестящим заброшенным садом,
Спелым яблоком, пенъем скворца.
Это значит, что нету конца.
Есть предел или нету предела –
Птица крыльями ветку задела,
Солнце тронуло землю лучом,
Ты ко мне прикоснулся плечом.

1984

* * *

Неслыханный случай. Неслыханный случай:
Листва надо мной золотистою тучей.
Неслыханный случай. Чудес чудеса:
Сквозь желтые листья видны небеса.
Удача и праздник, и случай счастливый:
Струится река под плакучею ивой.
Неслыханный случай. Один на века:
Под ивой плакучей струится река.

1980

* * *

Дождь осенний моросил,
Лист пылающий гасил,
Чтоб при сумеречном свете,
В дольний мир забросив сети,
Укачать в большой сети
Всех настигнутых в пути,
Укачать в сети бездонной
Колыбельной монотонной.

1984

* * *

Плохо дело, плохо дело.
За ночь роща поредела,
И случившийся пробел
Дождик штопал, как умел.
Штопал жиденькою штопкой,
Нитью рвущейся и робкой.
Дождь, цепляясь за кору,
Штопал каждую дыру.
Мир со множеством отверстий
Ветер гладил против шерсти,
Супротив да супротив,
Ветви голые скрутив
До болезненного хруста...
Свято место нынче пусто,
И витают, где бело,
Только ветер да крыло.

1982

* * *

Картина рисована примитивистом:
Узор черно-белый на фоне лучистом.
На фоне лучистом простейший узор:
Две снежные ветки, меж ними зазор.
По белому черным написано ясно,
Что мир изначально устроен прекрасно.
Прекрасно и просто, совсем без затей
Из темных деревьев и светлых путей.

1985

* * *

Это все твое. Бери:
Снегопады до зари,
Снегири, пруды, аллеи –
Все твое. Бери смелее,
Коли знаешь, как сберечь
Жизни сбивчивую речь,
Из каких волокон прочных
Сделать сеть для дней проточных.

1985

* * *

Движеньем проворным по клавишам черным,
Потом оробелым по клавишам белым,
Слежу, замерев, за игрой музыканта.
Волненье мое есть подход дилетанта.
Простите профана, но эти форшлагги
Я пью точно в засуху капельки влаги,
И звуки, которые длятся мгновенье,
Ловлю, как нездешних ветров дуновенье.
Веди меня, музыка, властвуй и мучай,
Внушая, что жизнь – неподвиденный случай,
Таинственный замысел, чья-то причуда,
Морока, фантазия, пытка и чудо.

1984

* * *

Шито белыми нитками наше житье.
Посмотри же на странное это шитье.
Белой ниткой прошиты ночные часы.
Белый иней на контурах вместо росы.
Очевидно и явно стремление жить
Не рывками, а плавно, не дергая нить.
Шито все на живульку. И вечно живу,
Опасаясь, что жизнь разойдется по шву.
Пусть в дальнейшем упадок, разор и распад.
Но сегодня тишайший, густой снегопад.
Белоснежные нитки прошли простор
В драгоценной попытке отстрочить разор,
Все земное зашить, залатать и спасти,
Неземное с земным воедино свести.

1976

* * *

На деревья дробится лес.
Небесный свод – на семь небес.
Жизнь распадается на годы
Трудов, неволи и свободы.
Дробится смерть на черепа.
И лишь любовь, что так слепа,
Способна зреть миры и блики
В Одном Лице, в Едином Лике.

1981

* * *

У тебя прошу прощенья
За такое обращенье.
Обращаюсь я с тобой,
Как с полоской голубой.
Невозможно в дружбе тесной
Быть с полоскою небесной.
Можно только днесь и впредь
Чуть сощурившись глядеть
На полоску ту, что манит
И ничем потом не станет,
Лишь растает и опять
Возродится, чтоб сиять,
Удаляясь и гранича
С перелетной стаей птичьей.

1977

* * *

Сыграй, прошу, сыграй.
И вдруг обрыва край,
И диких звуков бездна,
И бегство бесполезно.
По острию ножа
Проходишь, ворожа.
И каждый звук продленный,
Как провод оголенный.
Тут край. Остановись.
Но ты взмываешь ввысь,
Стихающая нота –
Площадкою для взлета.

1980

* * *

Что мир без междометий,
Без этих «ох» да «ах»?
Как жил на белом свете,
Поведай в двух словах.
Пожар, мороз по коже,
И дрожь ветвей нагих,
И шепчешь: «Боже, боже»,
Не помня слов других.

Май 1984

* * *

Этих дней белоснежная кипа.
В перспективе – цветущая липа,
Свет и ливень. Не диво ль, не диво,
Что жива на земле перспектива?
С каждым шагом становятся гуще
Чудо-заросли вишни цветущей,
Птичьи трели слышнее, слышнее,
А идти все страшнее, страшнее.
Ведь осталась любовь неземная
За пределами этого рая.

1977

* * *

Когда любовь перегорала,
Когда из многих тем хорала
Звучали только зов и стон,
Любовь от смерти спас канон.
Был глас любви от муки ломок,
Но был канон и тверд и емок.
И тема, много претерпев,
Преобразилась в тот напев,
Который все в себя вбирает
И никогда не умирает,
Куда бы рок его ни гнал.
И потому лишь был финал,
Что от восторга, слез иль пыла,
Но горло вдруг перехватило.

1977

* * *

Иди сюда. Иди сюда.
Иди. До Страшного суда
Мы будем вместе. И в аду,
В чаду, в дыму тебя найду.
Наш рай земной невыносим.
На волоске с тобой висим.
Глотаем воздух жарким ртом.
На этом свете и на том
Есть только ты. Есть только ты.
Схожу с ума от пустоты
Тех дней, когда ты далеко.
О, как идти к тебе легко.
Все нипочем – огонь, вода.
Я в двух шагах. Иди сюда.

1977

* * *

Когда тону и падаю, не видя дня другого,
Хватаюсь за соломинку – за призрачное слово.
Шепчу слова, пишу слова то слитно, то отдельно,
Как будто все, что названо, уже и не смертельно;
Как будто все, обретшее словесное обличье,
Уже и не страдание, а сказочка и притча.
И я спасусь не манною, летящей легче пуха,
А тем, что несказанное поведать хватит духу.

1977

* * *

Тут ничем не помочь. Все не так и не то.
Все впустую, как ливень ловить в решето.
Лучше ливня струей, чьи мгновенья лихи,
Промелькнуть и разбиться о ветку ольхи.

1977

* * *

А я живу отсель досель,
Шажок – забор, полшага – ель,
Полшага – дом, полшага – клен.
Лишь до него мой путь продлен.
А дальше – глухо. В той глуши,
Быть может, реки хороши.
Но что мне дивная река,
Коль мне нужна твоя рука,
А до нее – века, года
Не дотянуться никогда.

1977

* * *

К юной деве Пан влеком
Страстью, что страшнее гнева.
Он бежал за ней, но дева
Обернулась тростником.
Сделал дудочку себе.
Точно лай его рыданье.
И за это обладанье
Благодарен будь судьбе.
Можешь ты в ладонях сжать
Тростниковой дудки тело.
Ты вздохнул – она запела.
Это ли не благодать?
Ты вздохнул – она поет,
Как холмами и долиной
Бродишь ты в тоске звериной
Дни и ночи напролет.

1977

* * *

И звал меня. И вел. Но вдруг он отнял руку,
И все оборвалось. Ни шороха, ни звука.
Ты где, мой поводырь, мой пылкий провожатый?
Меж небом и землей я намертво зажата.
А впрочем, что роптать? Бесмысленны упреки.
Старательно учу печальные уроки.
О том, что жизнь блажна и не дает расписки,
И коль ушел в туман единственный и близкий,
То так тому и быть. И жди любого крена.
И что-нибудь еще родит морская пена.
И что-нибудь еще взойдет на фоне синем.
И будет так всегда. Всегда, пока не сгинем.

1977

* * *

Чьи-то руки взметнулись над стылой водой.
Как бы дело не кончилось страшной бедой;
Как бы кто-то в отчаяньи или в бреду
Не пропал в зачарованном этом пруду.
Сбереги его душу, Господь, сбереги...
По осенней воде разбежались круги...
Чьи же руки вздымались? И голос был чей?
И кому целый лес запыхавших свечей?

1981

* * *

И этот дар, и это зло
Случайным ветром занесло.
И вечно в воздухе витало
Все, что моим на время стало.
Что было дивным сном моим,
Приснится завтра тем двоим.
И зло, и благо – все крылато:
Пришло с зарей, уйдет с закатом
Еще куда-то. И при чем
Здесь фатум, если обречен
И на любовь, и на утрату
Любви. И это не расплата,
Не Божий перст, не знак, не рок –
А ветер, воздуха поток.

1978

* * *

Все спасемся как-нибудь.
Доживем до дня другого.
Жизнь шепнет благое слово –
То ли «веруй», то ль «забуди»;
Тронет веткой за рукав,
Ляжет каплею в ладони,
Прощебечет где-то в кроне,
Прострекочет в гуще трав,
Птичьей песенкой любой,
Каждым слабым шевеленьем
Намекая на продленье,
Увлекая за собой.

1977

* * *

Сурова партия трубы,
Мятежна партия валторны.
Как дни текучие просторны
Для потрясений и гульбы.
Такой невиданный размах,
Что даже самый приземленный
Вдруг встрепенется с изумленной
Улыбкой и воскликнет «Ах».
И как ни мучились басы,
Альты, взмывая, так запели,
Что небеса почти задели
В рассвета робкие часы.
И чей-то голос «ты одна»
Взмолился на предельной ноте
И, вырвавшись, как дух из плоти,
Повис над пропастью без дна.

1982

* * *

Должно быть, под угрозой пытки,
Когда висела жизнь на нитке,
Я выставила напоказ
Все, что чужих боится глаз.
Должно быть, клали соль на ранку,
Чтоб вывернулась наизнанку,
Не утаила ничего:
Ни сна, ни вдоха своего.
Ни сна, ни помысла, ни муки.
Должно быть, мне ломали руки,
Твердя с зари и до зари:
«Ведь хуже будет, говори».
И говорю, и задыхаюсь,
На каждом слове спотыкаюсь,
И слышу, выбившись из сил;
«Бедняга. Кто ее просил?»

1981

* * *

Забыть. Забыть. Забыть.
Землей, золой, травой
Минувшее закрыть,
Засыпать голос твой.
И верить: тверд покров.
Но, на него ступив,
Сорваться в гулкий ров,
Где каждый вздох твой жив.
И вниз лететь, как ввысь,
И, страшный путь любя,
Понять, что не спастись
Вовеки от тебя.

1977

* * *

Вот он, омут моей души,
Обмани меня, веры лиши,
Оттолкни меня, выдай, ограбь –
Только рябь на воде, только рябь.
Все, что ценно мне, брось и рассыпь –
Только зыбь на воде, только зыбь.
Все деянья мои сокруши –
Только слабые всплески в тиши.
А войдешь в эти воды – кричи,
Так ожгут ледяные ключи.

1970

* * *

Юрию Федоровичу Карякину

Живи, младенческое «вдруг»,
Уже почти замкнулся круг,
Уж две минуты до конца,
И вдруг – карета у крыльца.
И вдруг – средь чащи светлый луг.
И вдруг – вдали волшебный звук.
И вдруг – жар-птица, дед с клюкой,
Края с молочной рекой.
Уходит почва из-под ног,
Ни на одной из трех дорог
Спасенья нету, как ни рвись.
Но вдруг, откуда ни возьмись...

1979

* * *

Что невозможно повторить,
То остается подарить
Небытию, пространству, тучам.
И все-таки на всякий случай
Деревьев солнечную сень
Храню в душе про черный день,
Хоть понимаю: память – сито.
И даже если не забыто
Все лучшее, но черноту
Рассеять мне невоготу
Вчерашней солнечною сенью.
И снова жажду подтвержденья
Тому, что стоит жить. И дню
Тот миг, когда ты мне «люблю»
Сказал. Но сгинул миг летучий.
Скажи опять. Скажи. Не мучай.

1977

* * *

И снова стала погорельцем.
И над обуглившимся тельцем
Всего, что не смогла спасти,
Склоняюсь и шепчу: «Прости.
Прости, что среди руин и дыма
Я снова, жизнью одержима».

1977

* * *

Не больно тебе, неужели не больно
При мысли о том, что судьба своевольна?
Не мука, скажи, неужели не мука,
Что непредсказуема жизни излука,
Что память бездонна, мгновение кратко?..
Не сладко, скажи, неужели не сладко
Стоять над текучей осенней рекою,
К прохладной коре прижимаясь щекою

1983

* * *

Все в воздухе висит.
Фундамент – небылица.
Крылами машет птица,
И дождик моросит.
Все в воздухе: окно,
И лестница, и крыша,
И говорят, и дышат,
И спят, когда темно,
И вновь встают с зарей.
И на заре, босая,
Кружу и зависаю
Меж небом и землей.

1977

* * *

Неслыханный случай. Неслыханный случай:
Листва надо мной золотистою тучей.
Неслыханный случай. Чудес чудеса:
Сквозь желтые листья видны небеса.
Удача и праздник, и случай счастливый:
Струится река под плакучею ивой.
Неслыханный случай. Один на века:
Под ивой плакучей струится река.

1980

* * *

Плохо дело, плохо дело.
За ночь роцца поредела,
И случившийся пробел
Дождик штопал, как умел.
Штопал жиденькою штопкой,
Нитью рвущейся и робкой.
Дождь, цепляясь за кору,
Штопал каждую дыру.
Мир со множеством отверстий
Ветер гладил против шерсти,
Супротив да супротив,
Ветви голые скрутив
До болезненного хруста...
Свято место нынче пусто,
И витают, где бело,
Только ветер да крыло.

1982

* * *

К юной деве Пан влеком
Страстью, что страшнее гнева.
Он бежал за ней, но дева
Обернулась тростником.
Сделал дудочку себе.
Точно лай его рыданье.
И за это обладанье
Благодарен будь судьбе.
Можешь ты в ладонях сжать
Тростниковой дудки тело.
Ты вздохнул – она запела.
Это ли не благодать?
Ты вздохнул – она поет,
Как холмами и долиной
Бродишь ты в тоске звериной
Дни и ночи напролет.

1977

* * *

Чьи-то руки взметнулись над стылой водой.
Как бы дело не кончилось страшной бедой;
Как бы кто-то в отчаяньи или в бреду
Не пропал в зачарованном этом пруду.
Сбереги его душу, Господь, сбереги...
По осенней воде разбежались круги...
Чьи же руки вздымались? И голос был чей?
И кому целый лес заплывших свечей?

1981

* * *

Между облаком и ямой,
Меж березой и осиной,
Между жизнью лучшей самой
И совсем невыносимой,
Под высоким небосводом
Непрестанные качели
Между босховским уродом
И весною Боттичелли.

1980

* * *

А на экране, на экране
И жизнь, и смерть; и слез, и брани
Поток; и лес вздетых рук,
Но нету звука. Дайте звук.
О, неисправная система:
Беззвучно губят, любят немо.
Как в неозвученном кино,
Стучу в оглохшее окно,
Зову кого-то и за плечи
Трясу, не ведая, что речи,
Что дара речи лишена,
И вместо зова – тишина.

1982

* * *

Хорошего уйма. Хорошее сплошь.
Вот хвост у сороки отменно хорош:
Большой, черно-белый. Такое перо –
Ему бы стоять на старинном бюро.
И если не манна слетает с небес,
То все ж филигранна, воздушна на вес
Снежинка, летящая в снежных гуртах.
И это о радости в общих чертах.
И это два слова про дивный пейзаж,
Про фон повседневный, обыденный наш,
Про фон наш обычный. Но, может быть, мы
Являемся фоном для этой зимы,
Для этих сугробов, сорок, и ворон.
И терпит картина серьезный урон,
Когда и летают, и надают ниц
Снежинки на фоне безрадостных лиц.

1981

* * *

Что плакать ночи напролет?
Уж все менялось не однажды,
И завтра там родник забьет,
Где нынче гибнешь ты от жажды.
И где сегодня прах один
И по останкам тризну правят,
Там Ника, вставши из руин,
Легко сандалию поправит.

1973

* * *

Поговорить начистоту
С тобой хочу, но на лету
Усердно ловишь тополиный
Июньский пух, и мой недлинный
Рассказ тебе не по нутру.
И что за речи на ветру,
Когда ветрами все уносит:
Вопрос, ответ, того, кто спросит...
И много утечет воды,
Но будет петь на все лады,
Как нынче, каждая пичуга,
И будут двое друг на друга
Глядеть, не ведая эпох
И времени... И дай им Бог.

1982

* * *

Осенний ветер гонит лист и ствол качает.
Не полегчало коль еще, то полегчает.
Вот только птица пролетит и ствол качнется,
И полегчает наконец, душа очнется.
Душа очнется наконец, и боль отпустит.
И станет слышен вещей глас в древесном хрусте
И в шелестении листвы. Под этой сенью
Не на погибель все дано, а во спасенье.

1978

* * *

Куда бежать? Как быть? О боже, –
Бушует влажная листва.
И лишь не помнящих родства
Соседство с нею не тревожит.
Ее разброд, метанье, дрожь
И шелестенье, шелестенье:
«Ты помнишь, помнишь?
Сном и бдением
Ты связан с прошлым. Не уйдешь.
Ты помнишь?»
Помню. Отпусти.
Не причитай. Не плачь над ухом.
Хочу туда, где тесно, глухо,
Темно, как в люльке, как в горсти,
Где не беснуются ветра,
Душа не бродит лунатично,
А мирно спит, как спят обычно
Под шорох ливня в пять утра.

1978

* * *

Экспонат расклеился,
Выбыл, расслоился,
По ветру рассеялся,
С радугою слился,
И со звездной россыпью,
Бросив тот гербарий,
В коем был он особью
И одной из тварей,
Наделенной обликом,
Именем и датой.
...Слился с тихим облаком
И плывет куда-то.
Путь его не вымерен
И не наказуем,
И никем не выверен,
И не предскажем.
Ход причинно-следственный
Для него не верен.
Жесткий Код наследственный
Навсегда потерян.
Он нигде не значится –
Вихрь коловращений,
Полная невнятица
Вольных превращений.
Больше он не мается,
И не ждет развязки
И не домогается
Ни любви, ни ласки.

1978

* * *

Я верю в чудо, верю в чудо:
Я уведу тебя оттуда,
Из царства мертвых. На краю
Всего земного запою.
И песнь моя нездешней силы
Тебя поднимет из могилы.
Владыке Тартара клянусь,
Что на тебя не оглянусь.
На всем пути из мрака к свету
Не оглянусь, верна обету.
Иди за мной, иди за мной.
И на поверхности земной
Не удержу тебя ни словом,
Ни взглядом. К горизонтам новым
Пойдешь, забудешь голос мой, –
Мне б только знать, что ты живой.

1982

* * *

– Ты куда? Не пойму, хоть убей.
Голос твой все слабей и слабей.
Ты куда?

– На кудыкину гору
Белоснежных гонять голубей.
Ты живи на земле, не робей.
На земле хорошо в эту пору.
Нынче осень. А скоро зима.
Той зимою, ты помнишь сама,
Снег валил на деревья и крышу,
На деревья, дорогу, дома...
Мы с тобою сходили с ума,
Помнишь?

– Да, но едва тебя слышу.

1982

* * *

Будто я Шехерезада,
И слагать стихи мне надо,
Потому что лишь слова
Мне дают на жизнь права.
Я о слове так радею,
Будто, если оскудею,
Замолчу, теряя нить,
Повелят меня казнить.

1983

* * *

Неясным замыслом томим
Или от скуки, но художник
Холста коснулся осторожно,
И вот уж линии, как дым,
Струятся, вьются и текут,
Переходя одна в другую.
Художник женщину нагую
От лишних линий, как от пут,
Освобождает – грудь, рука.
Еще последний штрих умелый,
И оживут душа и тело.
Пока не ожили, пока
Она еще нема, тиха
В небытии глухом и плоском,
Творец, оставь ее наброском,
Не делай дерзкого штриха,
Не обрекай ее на блажь
Земной судьбы и на страданье.
Зачем ей непомерной данью
Платить за твой внезапный раж?
Но поздно. Тщетная мольба.
Художник одержим до дрожи:
Она вся светится и, боже,
Рукой отводит прядь со лба.

1978

* * *

Дни весенние горчат.
Души с жадностью галчат
Ждут от жизни сладкой крошки.
И прозрачен свет в окошке,
И чего-то жаль до слез –
Это авитаминоз.
Это мартовская вялость.
И нужна всего лишь малость –
Витамины БЭ да ЦЭ
И не думать о конце,
Уповать на перемены,
Покупая цикламены.
Жизнь берет на поводок
И выводит на ледок.
На ледок ведет непрочный,
А под ним ручей проточный.
У весны уста в меду.
У нее на поводу
Всякий, кто на сладость падок.
А весенний голос сладок.
Шепчет: «Свет моих очей»,
В ледяной швырнув ручей.

1980

* * *

Любовь до гроба.
Жизнь до гроба.
Что дальше – сообщат особо.
И если есть там что-нибудь,
Узнаешь. А пока – забудь.
Забудь и помни только это:
Поля с рассвета до рассвета,
Глаза поднимешь – небеса,
Опустишь – травы и роса.

1980

* * *

Люби без памяти о том,
Что годы движутся гуртом,
Что облака плывут и тают,
Что постепенно отцветают
Цветы на поле золотом.
Люби без памяти о том,
Что все рассеется потом,
Уйдет, разрушится, и канет,
И отомрет, и сил не станет
Подумать о пережитом.

1984

* * *

А если праздник по душе,
То празднуй все: и зной, и ливень,
И будет праздник непрерывен,
Как рай с любимым в шалаше.
И ночь, укрывшая двоих,
И на ветру гудящий провод,
И стук колесный – чем не повод
Для скромных праздников твоих.

1983

* * *

М.А.

Сплошная непогодь и хмарь,
Дождя постылая осада,
И развезло дорожки сада.
«Июль», толкует календарь.
Поверь, попробуй. Хмарь да грязь,
Густая сетка перед взором.
Настырный дождь, беря измором,
«Сдавайся», – шепчет. И сдалась,
И покорилась, и люблю
Дождя докучливого шорох,
И небо серое в зазорах
Деревьев. И не тороплю
Ни дождь, ни время. Тусклым днем
Во славу пасмурного лета
Я ставлю влажные букеты
Перед распахнутым окном.

1979

* * *

Хоть кол на голове теши –
Все улыбаешься в тиши.
Тебе – жестокие уроки,
А ты – рифмованные строки.
А ты – из глубины души
Про то, как дивно хороши
Прогулки эти меж кустами
Ольхи. Твоими бы устами...

1979

* * *

Еще немного все сместится —
Правее луч, южнее птица,
И станет явственнее крен,
И книга поползет с колен.
Сместится взгляд, сместятся строчки,
И все сойдет с привычной точки,
И окажусь я под углом
К тому, что есть мой путь и дом,
К тому, что есть судьба и веха.
Как между голосом и эхом,
Так между мною и судьбой
Возникнет воздух голубой,
Мгновенье тихое, зиянье,
Пугающее расстоянье.
И тех, с кем жизнь текла сия,
Едва коснется тень моя.

1977

* * *

Точно свет на маяке
Чей-то голос вдалеке.
Чей-то слабый голосок,
Как под ветром колосок.
Сквозь белесый полумрак
Я иду за шагом шаг,
Я иду, и не дышу,
И на голос тот спешу.
Отгорели все лучи.
Тихий голос, ты звучи.
В этом мире без лучей,
Дальний голос, чей ты, чей?
Глас людской ли, пенье ль птах,
Пенье ль ветра в проводах?

1972

* * *

Нет погоды давно.
Моросит день и ночь.
Остается одно:
В ступе воду толочь,
В ступе воду толочь.
...Отсырела тропа.
И глубокая ночь
Как большая ступа.
Воду в ступе толочь,
Не жалея трудов,
Чтоб наутро твоих
Не осталось следов;
Слушать вздохи одни
Позабывшихся сном
И рассеянно дни
Метить прошлым числом.

1980

* * *

Себе клялась: еще приду
На эту светлую грядку,
Еще вернусь на эту речку.
Храни, судьба, мою насечку.
И вот вернулась к той реке,
К тому холму и к той строке,
Которая звучала сладко
И где лежит моя закладка.
И, боже мой, строка бедна,
Река мутна – не видно дна,
И не пленяет запах мятный,
И бесполезен путь обратный.
Есть путь один – ведущий вдаль.
И как минувшего ни жаль,
Покуда жив – навеки предан
Пути, который неизведан.
И не вернуть вчерашних, нас.
И что вчера ласкало глаз,
Сегодня только сколок жалкий.
Но миги, миги – как русалки,
И каждый манит и зовёт,
И плачу я, плывя вперед,
И знаю – нет в возврате проку,
И все ж боюсь уплыть далеко,
И слышу я – «вернись, вернись»,
И вторят зову даль и высь.

1977

* * *

«Пустоте, черноте, уходящим годам
Из того, чем жива, ничего не отдам», –
Повторяю и слез не умею унять.
И теряю опять, и теряю опять.
А сегодня ни слез и ни слов, только дрожь.
Отпущу – и уйдешь, отпущу – и уйдешь.
Отпущу – и уйдешь, и уйдет, и уйдем.
И незыблем и вечен один окоем.
Остальное – лишь облака зыбкий овал.
И живем, как плывем. Каждый так уплывал,
Вечно что-то свое прижимая к груди,
Заклиная: «Постой, погоди, погоди».

1978

* * *

И если этот путь продлится,
Неутоленный утолится.
Но птиц осенний перелет
И озеро сковавший лед
Сулят: не будет утоленья,
А будет лишь преодоление
Протяжных верст, протяжных миль.
Осиль же их, осиль, осиль.

1982

* * *

О боже, все звучит. Все требует огласки.
И птицы напрягли голосовые связки.
И вынесла на свет, журча, вода-болтунья
Все то, что в тайниках хранилось накануне.
Слияние лучей и многих вод слиянье,
Слиянье слез и слов и душеизлиянье.
При ярком свете дня поют, кому что любо,
И лишь одну меня не слушаются губы.

1977

* * *

Легкой поступью, с легкой душой,
С легким сердцем. Поверь непременно,
Надо легкость вводить внутривенно:
Полегчает от дозы большой.
И однажды всему вопреки
Встрепенешься, вздохнешь с облегченьем
И взлетишь. Дорожи приключеньем
И летай с чьей-то легкой руки.

1982

* * *

Все лето шел зеленый ливень.
И был он тих и непрерывен.
Густые ветви до земли,
Как струи длинные, текли.
И дули ветры, их колебля.
Текла трава, стекали стебли,
Текли и не могли утечь,
Текли, касаясь наших плеч,
И щиколоток, и коленей.
...Милльон таких прикосновений
Переживешь за жизнь свою,
Не ведая, что ты в раю,
И ожидая, ожидая
Других чудес, другого рая.

1977

* * *

Кругом зеленая завеса,
И слово не имеет веса,
И небеса легки на вес...
Семь верст сегодня до небес,
До голубых и невесомых.
Живу в немислимых хоромах,
Где вместо стен и потолка –
Воздухоносные шелка,
Зеленые и голубые.
Что ни скажу, слова любые
Уносит ветром. И летят
Мои слова, куда хотят.
Коль ты услышал и ответил,
Коль бросил пару слов на ветер,
Июньский ветер – наш гонец–
Мне передаст их наконец.

1984

* * *

И троп извилистых тесьма,
И ярко вспыхнувшие маки
Есть неразгаданные знаки
К нам обращенного письма.
И эти листья, и трава,
И подорожник, и кузнечик –
Какой-то потаенной речи
Невероятные слова.
И стебли, льнущие к руке,
И куст, задевший гроздью красной, –
Есть разговор большой и страстный
На непостижном языке.

1983

* * *

Пережди, говорят, пережди этот ливень.
Только как переждешь, если он непрерывен.
Я навстречу дождю выхожу из укрытья
И, сливаясь с дождем, становлюсь его нитью,
Чтоб, как он, обладать неотъемлемым правом
Припадать, припадать к этим листьям и травам,
К чьим-то лицам, плечам. Но, как ливня частица,
Я боюсь, что умру, если он прекратится.

1984

* * *

Снова жаркое лето. И солнце в зените.
И натянуты все животворные нити.
И, спускаясь с небес, вьется нить дождевая,
За живое любую из них задевая,
Заставляя звучать. И вот-вот оборвется
Животворная нить. Но куда поется
И танцуется нам в мировой круговерти,
Будем петь и кружить, и ни звука о смерти.

1985

* * *

Второе августа. Прекрасно.
По сводкам солнечно и ясно.
Короче день на два часа.
Ну а по слухам ежечасно
Ярится будут небеса.
К полудню вспыхнули зарницы.
Едва успев посторониться,
Я вижу: мчится среди дорог
На озаренной колеснице,
Дыша огнем, Илья-пророк.

1984

* * *

Моя любовь, мое проклятье,
Судьба моя, в твои объятия
Лечу. В неверные твои.
Таи все тайное, таи,
Ветрами раздувай мне платье,
Июньским ливнем напои.
И на отчаянное «где ты?»
Не отвечай. Лучом согреты
Дороги, по каким лечу...
Не ты ль склоняешься к плечу
И шепчешь: «Вот промчится лето,
А осенью озолочу».

1982

* * *

Прими на веру: свод небесный
Уравновешен в час чудесный
Пылинкой, пляшущей в луче...
Поверь и пой в таком ключе.
Сама заря поет дискантом,
И не поется лишь педантам,
Лишь тем, кто занят ловлей блох.
Отрадно, мир застав врасплох,
Глядеть без страха и протеста,
Как все танцует, снявшись с места,
И кружит в сказочных мирах
При солнечных юпитерах.
И даже малая пылинка
Сегодня прима-балеринка.
И без нее сойдет на нет
Тончайшей прелести балет.

1981

* * *

Все как будто не фатально –
Впереди монументальный,
Впереди заветный труд.
А пока лишь моментальный
Неоконченный этюд.
Поиск фона, поиск тона
Для земли и небосклона,
Для деревьев и травы,
Поиск нужного наклона
Непокорной головы,
А пока набросок, проба,
Вариант – и так до гроба.
Ярче верх, темнее низ.
Годы жара и озноба,
А в итоге лишь эскиз,
Лишь этюд, дороги нитка,
Некто, нечто, дом, калитка,
Сад, готовый отцвести, –
Бесконечная попытка
Скоротечное спасти.

1978

* * *

Наверно, так и будет длиться:
В руках моих всегда синица,
А чудо-птица в облаках.
Синица малая в руках
Сидит, тиха и желтогруда,
А в облаках химера, чудо,
Недостижимых крыл размах,
В непостижимых закромах,
И жизнь моя на грани краха...
Но вот малюсенькая птаха,
Которая жила в руке,
Вдруг оказалась вдалеке
И стала чудом, необылицей,
Загадочной, далекой птицей,
И уплыла, и уплыла,
Расправив дивных два крыла.

1979

* * *

Люблю начало речи плавной,
Причуды буквицы заглавной,
С которой начинают сказ:
«Вот жили-были как-то раз...»

Гляжу на букву прописную,
Похожую на глушь лесную:
Она крупна и зелена,
Чудным зверьем населена.

«Вот жили-были...» Запятая,
И снова медленно читаю:
«Вот жили...» И на слово «Вот»
Опять гляжу, разинув рот.

1981

* * *

Пера прилежного касанье...
Тяжелый труд – чистописанье.
Пиши: дорога, дом, трава...
Пищи простейшие слова.
Пиши, сынок: зима, синица,
Сугроб. И пусть тебе приснится
Потом синица на снегу.
Моя удача, что могу
Побывать среди гласных и согласных
В прозрачном мире правил ясных,
Твердить с тобой «ЧУ-ЩУ, ЧА-ЩА»,
Иного смысла не ища.

1981

* * *

В ясный полдень и в полночь, во тьме, наяву
От родных берегов в неизвестность плыву,
В неизвестность плыву от родного крыльца,
От родных голосов, от родного лица.
В неизвестность лечу, хоть лететь не хочу,
И плотней к твоему прижимаюсь плечу.
Но лечу. Но иду. Что ни взмах, что ни шаг –
То невиданный свет, то невиданный мрак,
То невиданный взлет, то невиданный крах.
Мне бы медленных дней на родных берегах,
На привычных кругах. Но с утра до утра,
Заставляя идти, дуют в спину ветра.
Сколько раз еще свет поменяется с тьмой,
Чтобы гнать меня прочь от себя от самой.
Умоляю, на спаде последнего дня
Перед шагом последним окликни меня.

1974

* * *

И говорим о том о сем,
Покуда в сумерках пасем
Сухой листвы стада овечьи.
И бесконечны наши речи
О будущем, о вещих снах,
Об ускользящих годах,
Неизживаемых обидах..
О том, о чем и вдох, и выдох.

1967

* * *

Старухи, черные, как птицы,
И мудрые, как ясновидцы:
Орлиный взгляд, с горбинкой нос,
И вечный дым от папирос.
Они о чем-то по-армянски
Толкуют. Вид у них шаманский,
Загадочный. Смотрю им в рот,
И мне не нужен перевод
Их речи на язык понятный.
Пусть речь останется невнятной,
Туманной, как цепочка гор,
О чем бы ни был разговор.

1982

* * *

Легко сказать, легко сказать, сказать легко,
Слова не весят,
Но до чего порою бесят
И как заводят далеко:
На край земли, в безлюдье, в глубь
Чужой души и в поднебесье
Уводят, ничего не веся...
Тишайшим словом приголубь.
Пускай дурное на роду
Написано – скажи словечко –
Я за тобою, как овечка,
Покорно по пятам пойду.

1981

* * *

Такая началась метель,
Что соскочила дверь с петель,
Луна с небес, земля с орбиты.
Метались души, с толку сбиты,
Меж всем и вся утратив связь.
Сшибались облака, клубясь.
Но не имел ни вдохновенья,
Ни сил создатель в то мгновенье,
Откликнувшись на дольний зов,
Творенье повторить с азов.

1981

* * *

Нельзя ни проснуться, ни в сон погрузиться,
Чтоб там небывалым вещам поразиться.
Но можно остаться меж явью и сном
В засыпанном снегом массиве лесном,
Где каждая веточка занята делом:
Дрожит на ветру в одеянии белом,
В наряде, прошитом сплошным серебром.
И, снега коснувшись легчайшим пером,
Свои мимолетные, ломкие строки
На белом снегу начертали сороки.

1986

* * *

О нимфе этот древний миф,
О нимфе, что зовется Эхо.
Чья доля, даже полюбив,
Остаться отголоском смеха,
Чужой улыбкою цвести,
Длитель вздох чужой. Какая мука,
Когда нет сил произнести
Ни слова своего, ни звука,
Когда, будь темень или свет,
В смятенье, радости и горе
За кем-то движешься вослед,
Лишь подпевая, внемля, вторя
И разнося по всем углам,
По всем окрестностям и весям
Лишь отголоски чьих-то драм
И отзвуки запетых песен.
Да будь благословен тот миг,
Когда мы исторгаем слово,
Пускай похожее на крик,
На стон, на вой глухонемого.

1972

* * *

На лист бумаги, как следы на снег,
Ложатся строки. Делаю разбег.
Но, разбежавшись на листе на белом,
Увы взлетаю за его пределом.

1966

* * *

Мне земных деяний суть
Кто-то мудрый толковал.
Но расслышать что-нибудь
Мир гудящий не давал.
И когда слетали с губ
Драгоценные слова,
Завывали сотни труб,
Скрежетали жернова.
Я ждала: наступят дни
Тишины. Но в тишине
Только шорохи одни
Оказались внятны мне.

1976

* * *

Все уходит. Лишь усталость
Не ушла. Со мной осталась.
Стали в тягость встречи, сборы,
Расставанья, разговоры,
Страдный день и вечер праздный,
Свет и сумрак непролазный,
В тягость шорох за стеной,
В тягость крылья за спиной.

1972

* * *

Обмелели все истоки,
Все истоки обмелели –
Ветер жаркий и жестокий
Дует долгие недели.
Но даю душе напиться
(И откуда что берется),
Зачерпнув живой водицы
Из засохшего колодца.

1981

* * *

Зачем сводить концы с концами?
Пуускай они сплетутся сами.
Зачем насильно их сводить
В безукоризненную нить?
Пуускай они висят свободно.
Переплетаясь как угодно,
То змейкой станут, то кольцом,
Переставая быть концом.
Кольцом нежданым, новым кругом,
Еще не вытоптаным лугом,
Еще не скошенным цветком
И просто воздуха глотком.

1981

* * *

Молчание – золото, золото, злато,
И роща стоит, тишиною объята,
И молча роняет свой лист золотой
На берег пологий и берег крутой,
И прямо мне под ноги. Я виновата:
Сменить серебро не умею на злато.
Я серебром проклятым так дорожу,
Что, даже когда молчаливо кружу,
Кружу в тишине меж большими стволами,
Я даже тогда одержима словами.

1981

* * *

Привести бы все в систему:
На одну большую тему
Вариаций целый рой...
Мудрено ль пройти сквозь стену
Одержимому игрой,
Одержимому, чьи руки
Извлекать способны звуки
Из бездонной тишины.
Вечной радости и муки
Знаки бегло прочтены.
И мотив неуловимый
Растекается лавиной,
И вскипает, все круша...
Ты алкала доли лавиной,
Ненасытная душа.
Так бери, покуда льется.
Из незримого колодца
Черпай, черпай, и рыдай,
И дыши, пока дается
Этот праздник, этот рай.

1982

* * *

Ах, куртуазный давний век!
Ах, чинный танец сарабанда.
Каким стремительным глассандо
Нежданный гений взял разбег,
Взорвав устойчивый покой,
Нарушив церемонный танец.
...Наглец, смельчак и самозванец,
Откуда он и кто такой?
Пылает за полночь свеча,
Под чутким пальцем клавиш плачет.
Он этот мир переиначит,
Совсем о том не хлопоча.
Бесценный дар – его вина.
За это ждет его награда:
Бессмертие и капля яда
В бокале терпкого вина.

1982

* * *

Рожденье тайное стихов –
Как в зной спасительная влага,
Преображенье зла во благо
И отпущение грехов.
Бежит по телу холодок,
И губы слушаются плохо,
Произнося строку. И вздоха
Короче каждая из строк.
А над маячащей вдали
Концовкой венчиком – фермата,
Напоминая: пенье свято,
До угасанья звук продли.

1983

* * *

А мне туда и не пробиться,
Откуда родом дождь и птица.
И полевые сорняки
Такие знают тайники,
Какие для меня закрыты.
Дороги дождиком изрыты,
А дождик в сговоре с листвою.
И разговор невнятный свой
Они ведут. И дождь уклончив:
Стихает, речи не закончив,
И вновь летит наискосок,
Волнуя реку и лесок
Речами быстрыми. Как в душу,
Я в реку глянула: «Послушай»,
Прошу: «Поведай, покажи»...
А там лишь небо да стрижи.

1980

* * *

Пропахли дни сосной,
И ливнями, и мятой,
Травой, дождем примятой,
И ягодой лесной.
И мятой, и дымком
Пропахла кружка чая.
Живу, души не чая
Сама не знаю в ком:
В рассветах, небесах,
Щенках и домочадцах,
В ветрах, что вечно мчатся,
И в птичьих голосах.
День угасает в срок,
А новый – как прозреньё
И как стихотвореньё
В двенадцать вещей строк.

1980

* * *

Мой белый день, гори, гори,
Ты даришь зарево зари,
И свет, и тень, и все подряд,
На что ни брошу беглый взгляд:
Дорогу, дерево, цветы,
И от избытка доброты
Себя сжигаешь, чтобы в дар
Мне принести закатный жар.

1981

* * *

Переплавить в строку, переплавить в строку
Все, что мне довелось пережить на веку.
Переплавить в строку, в сто рифмованных строк
Роковое скрещенье кремнистых дорог.
Переплавить года в стихотворную речь,
Чтоб изжить навсегда, истребить и сберечь.

1984

* * *

Тот живет – обиду копит.
Тот обиду в водке топит.
Ну, а этот топит печь.
И о нем сегодня речь.
Грусть-тоска, коль бит и мучим,
Служит топливом горючим,
И любая из обид
Очень весело горит.
И горит беда лихая,
Ярким светом полыхая,
И танцующий огонь
Греет душу и ладонь.
Греет тело он и душу,
Обитаемую сушу.
День текущий и былой
Пахнет солнцем и золой
И таит в себе, как древо,
Свет и жар для обогрева.

1981

* * *

И плод, созревающий медленно, сладок.
И лист, шелестя, выпадает в осадок.
И лист на пути зависает, не веся,
Желтеющий лист, пребывая во взвеси,
Меж светом и тьмой освещает границу.
О, лист золотой, посвети на страницу.
При свете твоём, при мерцанье, при вспышке,
Быть может, такое откроется в книжке,
Чего никогда бы (о смысла смещенье!)
Не видеть бы мне при ином освещеньи.

1983

* * *

Поляна, речка, бережок...
Шуршит и шепчет ночь-колдунья.
Поляна, полночь, полнолуние
И лунный на небе ожог.

Луной обрызгана листва.
Листву колеблет сонный ветер.
Подлунный берег тих и светел,
Подвластный чарам колдовства.

И голос вкрадчивый: «Приплынь, –
Зовет, – приплынь, тебя не тронут.
Левее мель, правее омут,
А здесь душица и полынь».

1983

* * *

Это надо раздуть. Это надо раздуть,
Будет пламя по пояс, а после по грудь,
А потом по плечо, а потом по плечо,
Будет темени жарко, лицу горячо.
И совсем позабудешь, сгорая в огне,
Что была лишь улыбка в случайном окне,
На случайной обочине мак полевой
И нечаянно вспыхнувший луч заревой.

1982

* * *

И не осмыслить в словах,
И не измерить здешней меркой –
В бездонность маленькою дверкой
Сияет просинь в небесах.

Сияет просинь в небесах,
Зияет пропуск буквы в слове.
Не надо с ручкой наготове
Стоять у буквы на часах.

Пространство, пропуск, забытье...
Лишь тот земную жизнь осилит,
Кто будет поражен навывлет
Непостижимостью ее.

В пустом пространстве ветер дик...
Попробуй жить, в стабильность веря:
Что ни мгновение – потеря.
Что ни мгновение – тайник.

1982

* * *

Такие сны бывают редко.
Во сне моём любая ветка
Роняет лист, едва задену.
Сбивает ветер листья в пену
И эту пену золотую
Возносит на гору крутую.
И коль взойдешь на эту гору,
Откроется такое взору,
Что не расскажешь, как ни бейся.
Смотри и плачь. Смотри и смейся.

1983

* * *

Пью этот воздух натошак,
По капле на желудок тощий...
Он окружен прозрачной рощей,
Весенней рощей – мой очаг.
Глаза открою – птичий гам,
И по мгновениям летящим
Веду движением скользящим,
Как пальчиком по позвонкам.
Ни кистью, ни карандашом,
А только оголенным нервом
Соприкасаюсь с мигом первым,
Где тайна бродит нагишом.

1983

* * *

Не мы, а воздух между нами,
Не ствол – просветы меж стволами,
И не слова – меж ними вдох
Содержат тайну и подвох.
Живут в пробелах и пустотах
Никем не сыгранные ноты.
И за пределами штриха
Жизнь непрерывна и тиха.
Ни линий взбалмошных, ни гула –
Пробелы, пропуски, прогулы.
О мир, грешны твои тела,
Порой черны твои дела.
Хоть между строк, хоть между делом
Будь тихим-тихим, белым-белым.

1977

* * *

ОСЕНЬ

На золото падких, на золото падких
Сегодня трясет в золотой лихорадке.
Льнет золото к пальцам и липнет к плечу:
Такое богатство – бери, не хочу.
И что ни мгновение – благодаянье.
И в пышное ты облачен одеянье.
Ты кесарь сегодня, вчерашний босяк.
Покуда поток золотой не иссяк,
Покуда не пущены по ветру слитки,
Не сгнили твои драгоценные нитки,
Не выцвел роскошный ковер под пятой,
Ты кесарь. И славен твой век золотой.

1980

* * *

Рулады, трели и триоли...
Идут весенние гастроли
Певцов пернатых. Трель, форшлаг.
Успех неслыханный. Аншлаг.
И зритель самый искушенный,
Иллюзий начисто лишенный,
Услышав птичьей стаи грай,
Невольно шепчет: «Это рай».
Мы вновь наивны. Bravo, bravo.
Мечту лелеять наше право.
Мы простодушны. Bravo, бис
Певунье, севшей на карниз.

1985

* * *

Переполнена чаша терпения.
Воды вешние в точке кипения.
И с откоса стекают, бурля
И вскипая. И вешнее пение
За пределами верхнего «ля».
Я сбегая с откоса. Мне весело,
Будто целую жизнь куролесила,
То танцую, то слезы лия,
Будто лишь окрыляла – не весила
Многолетняя ноша моя.

1984

* * *

Пойдем же под птичий неистовый гам
По синим кругам, по зеленым кругам.
Под шорох листвы и дождя воркотню
С любым из мгновений тебя породню.
Лишь из дому выйди со мной на заре,
Рукой проведи по намокшей коре,
Росою умойся – ты узнан. Ты свой.
И путь твой покорною устлан травой.
Легко ли нам будет? Легко ль, не легко,
Но эта дорога ведет далеко,
Туда, где горят и сгорают дотла
И травы, и крона, что нынче светла,
И дальше, сквозь область костров и золы,
Туда, где снега, как забвенье, белы;
И дальше, туда, где, срываясь с кругов,
Над областью мороси, трав и снегов
Свободные души взлетают, чтоб впредь
И вечное слышать, и вечное зреть.

1975

* * *

Цветы на окнах и в руках,
В садах. Цветы в огромных дозах...
Да он заиклился на розах,
На лютиках и васильках.

Сирень, акация, сирень...
И как ему не надоело?
Мешает краски то и дело
И пишет каждый божий день

То золотистый лепесток,
То одуванчик, ставший пухом,
Художник знает не по слухам,
Что мир безумен и жесток.

Но краска чистая густа...
И снова, точно заклинанье,
Цветы, цветы, окно с геранью
И свод небесный в полхолста.

1984

* * *

Близость фауны и флоры,
Птичьи хоры и просторы
От зари и до зари.
Жизни вечные повторы.
Повтори же, повтори,
Повтори: река да ива...
Нет привычнее мотива,
Нету музыки новей,
Чем опять река да ива,
Речка, ива, соловей...
Повторяться – как молиться...
Снова облако да птица
Проплывают вдалеке,
Успевая повториться
В немутнеющей реке.

Июль 1985

* * *

I

Все происходит наяву
Иль только памятью живу
Об этих днях – сама не знаю.
Живу, как будто вспоминаю
В каком-то горестном «потом»
И этот сад, и этот дом,
На окнах влажные дорожки,
На лепестках росинок брошки,
Листок, налипший на стекло.
И будто вовсе истекло
Едва начавшееся лето.
И даже при обилье света
Ребячий красный свитерок,
И свежесмытый порог,
И горстка ягод – точно в дымке,
Туманны, как на старом снимке,
Над коим тихо слезы лью,
Припоминая жизнь свою.

II

И вижу улицу родную
И подойти хочу вплотную
К ступенькам и дверям своим,
Но между мной и ними дым.
Туман и дым меж мной и ними,
И называю чье-то имя,
Смеюсь, дурачусь, но не счесть

Шагов меж мной и тем, что есть,
Меж мной и радостью текущей
Пространства холодок гнетущий,
И все, с чем я лицом к лицу,
Как будто бы пришло к концу
И в дымке, как воспоминанье.
Не то живу, не то за гранью
Происходящего со мной
Лишь вспоминаю путь земной.

1979

* * *

Тихонько дни перетасую
И тот найду, когда в косую
Линейку чистую тетрадь
Так сладко было открывать,
Когда, макнув перо в чернила,
Писала: «Мама Лушу мыла» –
Все буквы в домике косом.
А за окошком невесом
Кружился лист. Смотри и слушай:
Вот мать склоняется над Лушей,
Трет губкой маленькую дочь,
А ветер лист уносит прочь.

1981

* * *

...А ведьма косточки глодала
И, как безумная, рыдала.
И каркал ворон, сев на ель,
А на дворе была метель...
Прекрасна детская простуда,
И жутковатых сказок груда.
Я ногти в ужасе грызу,
Роняя крупную слезу.
И сказку с радостным исходом
Я запиваю чаем с медом
И сплю под стоны за стеной
И скрип ножищи костяной.

1981

* * *

Батуми. Дикий виноград,
Выходят окна в старый дворик.
И почему-то «бедный Йорик»
Твержу который день подряд.
Жара. Магнолия в цвету.
Гортанный говор. Запах пряный.
И кто-то, муча фортепьяно,
Долбит простую пьесу ту,
Которую долбила я
Сто лет назад на Якиманке.
Простая, как язык морзянки,
Она откроет, не тая,
Один диковинный секрет,
Что, сколько ни броди по свету,
Повсюду учат пьесу эту,
Обычную, как «да» и «нет».
Земным широтам несть числа,
Но юг ли, север – все едино,
Когда судьба на середину
Пути земного занесла
И к роковому рубежу
Приблизила. И опыт горек.
И «бедный Йорик, бедный Йорик»
Который день подряд твержу.

1979

* * *

Когда отчетливы приметы
Того, что стар и одинок,
Пиши чеканные сонеты,
Сонетов царственный веноч.

Когда дела идут к закату
И руки скованней в кистях,
Играй воздушную сонату
Прозрачной формы в трех частях.

1983

* * *

Торопиться – грех большой.
Так не стойте над душой,
Улетайте, дни и годы.
В вечной гонке нет свободы.
Потихоньку по шажку,
По зеленому лужку
Или в час по чайной ложке
По нехоженой дорожке
Обойдем весь белый свет,
Постигая вкус и цвет,
Упиваясь каждой краской,
Как дитя любимой сказкой.

1985

* * *

Тончайшим сделаны пером
Судьбы картинки,
И виснут в воздухе сыром
На паутинке.
Летящим почерком своим
Дожди рисуют,
И ветер легкие, как дым,
Штрихи тасует.
...Рисуют, будто на бегу,
Почти небрежно.
Я тот рисунок сберегу,
Где смотришь нежно.
Живу, покорна и тиха.
И под сурдинку
Колеблет ветер два штриха
И паутинку.

1980

* * *

Я вхожу в это озеро, воды колыша,
И колышется в озере старая крыша,
И колышется дым, что над крышей струится,
И колышутся в памяти взоры и лица.
И плывут в моей памяти очи и лики,
Как плывут в этом озере светлые блики.
Все покойно и мирно. И – вольному воля –
Разбредайтесь по свету. У всех своя доля.
Разбредайтесь по свету. Кочуйте. Живите.
Не нужны никакие обеты и нити.
Пусть уйдете, что канете. Глухо, без срока.
Все, что дорого, – в памяти. Прочно. Глубоко.

1971

* * *

Короче говоря...
Еще, еще короче,
Короче летней ночи,
Прозрачней, чем заря,
Яснее ясных гроз,
Словами точно вспышка
Скажи – и передышка
Для выдоха и слез.

1985

* * *

Давай поедem по кольцу,
Чтоб от начала и к концу,
А может, от конца к началу.
И коль тебя не укачало,
Давай с тобой средь тех же мест
Кружить, пока не надоест.
Дорога, изгородь, скворешник,
Дорога, изгородь. Орешник
Роняет вешнюю пыльцу.
Давай поедem по кольцу.

1981

* * *

Прозрачных множество полос.
С берез, летящих под откос, –
Листва потоком.
Стекают листья градом слез
С летящих под гору берез,
И ненароком
Я оказалась вся в слезах,
Хоть ни слезинки на глазах.
Безмолвной тенью
Брожу в мятущихся лесах.
И облака на небесах
И те в смятенье.
И этот ветер поутру,
И это буйство на ветру –
Почти веселье
И пир почти. Не уберу
Листвы с волос. В чужом пиру
Мое похмелье.
Я ни при чем. Я ни при чем,
Я лишь задела ствол плечом
В лесу высоком.
И листья хлынули ручьем,
Сквозным просвечены лучом,
Как горним оком.

1980

* * *

Желаю пуха и пера
На кромке пенного залива.
Желаю, чтоб неторопливо
Над морем гасли вечера.

Желаю белого крыла,
Его стремительного взмаха,
И чтоб душа, не зная страха,
Покой и веру обрела.

Желаю паруса вдали,
Желаю лодки отдаленной,
Желаю, чтоб неутоленный
Просил у моря: «Утоли».

И чтобы, выбившись из сил,
Под ветра шум и в птичьем гаме
Он пересохшими губами
Холодный воздух жадно пил.

1983

* * *

Мгновение. Еще мгновенье.
Меж ними камень преткновенья.
Я уберу его с пути.
Лети, мгновение, лети
Свободно, как воспоминанье.
Не ставлю знаков препинанья,
Ни точки и ни запятой
Меж этой осенью и той.
И буквы не пишу заглавной,
Чтоб не нарушить речи плавной,
Мгновений, льющихся рекой.
Строка струится за строкой.
И тянется из буквы строчной.
Да будет жизнь моя проточной.
Лети, мгновенье, вдаль и ввысь.
Не говорю: «Остановись»,
А заклинаю ежечасно:
«Лети, мгновенье. Ты прекрасно».

1981

* * *

Вот жили-были ты да я...
Да будет меньше капли росной,
Ды будет тоньше папиросной
Бумаги летопись моя!
Открытая чужим глазам,
Да поведет без проволочки
С азов к последней самой точке!
Да будет сладко по азам
Блуждать, читая нараспев:
«Вот жили-были в оны лета...»
Да оборвется притча эта,
Глазам наскучить не успев.

1981

* * *

Еще холстов, холстов и красок,
Для цветowych, бесшумных плясок,
Еще холстов, еще холстов
Для расцветающих кустов
И осыпающихся снова,
Для неба черного ночного,
К утру меняющего цвет...
Еще холстов, и сил, и лет.

1984

* * *

Нам выпало счастье, не так ли,
Участвовать в дивном спектакле,
Что тянется дни напролет.
В нем есть романтизма налет,
И страсти пока не иссякли.
...А нынче идет пастораль,
Проста и прозрачна мораль,
Чисты простодушные краски,
И смотрят анютины глазки
В почти безмятежную даль.
Сегодня, в который уж раз,
Луч солнца направлен на нас,
И в сценке, пронизанной счастьем,
Поставленной с нашим участием,
Мы счастливы не напоказ.

1985

Лариса Емельяновна Миллер

ЗЕМЛЯ И ДОМ

М.: «Советский писатель», 1986

План выпуска 1986 г. № 211

Редактор Г.М. Белова

Худож. редактор В.В. Медведев

Тех. редактор Г.В. Белькова

Корр. Б.Ш. Котт

ИБ № 5493

Сдано в набор 19.02.86. Подписано к печати 25.04.86